

Ликвидация

**ВАДИМ
РОГОВИН**

**ГЛАВНЫЙ ВРАГ
СТАЛИНА**

КАК БЫЛ

УБИТ ТРОЦКИЙ

Вадим Роговин

**Главный враг Сталина.
Как был убит Троцкий**

«Алисторус»

2017

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

Роговин В. З.

Главный враг Сталина. Как был убит Троцкий / В. З. Роговин —
«Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906979-91-9

Вадим Захарович Роговин – российский историк, социолог и публицист, главной темой исследований которого были 1930-е годы в СССР. В книге, которую вы собираетесь прочитать, показано противостояние двух вождей коммунистической партии – И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого. Оно не закончилось после высылки Троцкого из СССР в 1929 году, наоборот, стало еще более острым. Троцкий резко выступал против политики Сталина, печатал разоблачающие документы, организовывал сопротивление сталинскому режиму. Не удивительно, что на Троцкого устраивались покушения, очередное из них в 1940 году стало удачным. В своей книге Вадим Роговин не только приводит факты и документы об этой борьбе и самом убийстве, но и подробно анализирует причины конфликта между Сталиным и Троцким.

УДК 94(47+57)

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-906979-91-9

© Роговин В. З., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Предисловие	6
Сталин против оппозиции	8
Высылка Троцкого из СССР	11
Призывы «убрать Сталина»	14
Троцкистское подполье	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вадим Роговин
Главный враг Сталина.
Как был убит Троцкий

© Роговин В.З., правообладатели, 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Предисловие

Зачастую в зарубежной и советской исторической литературе развязанный Сталиным с конца 20-х годов государственный террор рассматривался как закономерное продолжение борьбы большевиков с противниками Октябрьской революции в годы гражданской войны. Такое отождествление сознательно скрадывает коренные отличия в масштабах, функциях и объектах политических репрессий в ленинскую и сталинскую эпохи. Репрессии времен гражданской войны осуществлялись большевиками при активной поддержке масс, в обстановке, когда партия и ее вожди разделяли с народом его жертвы и лишения. Удары наносились по силам старого режима, имевшим в своем распоряжении превосходно вооруженные и организованные армии, получавшим огромную материальную и финансовую помощь из-за рубежа. Непосредственные боевые действия против белых армий дополнялись борьбой с заговорами в тылу (во время гражданских войн разграничительная линия, отделяющая фронт от тыла, является вообще условной), служившими той же цели – контрреволюционной реставрации, т. е. восстановлению привилегий бывших господствующих классов царской России.

В отличие от этого «террор 30-х годов был хранителем неравенства. Уже самим своим характером он был антинароден, и, будучи потенциально и действительно направленным против большинства, он был тотальным и огульным». Приведение в действие с начала коллективизации гигантского репрессивного государственного механизма «привело к постоянным инъекциям таких чудовищных доз страха в такие обширные части социального организма, что отравленным неизбежно оказалось все тело. Стоило пустить в ход машину террора, превышавшего по размерам все виданное дотоле, как она развила собственную инерцию, не поддававшуюся контролю»¹.

Сразу же после окончания гражданской войны политические репрессии резко пошли на убыль. В середине 20-х годов количество заключенных в советских тюрьмах и лагерях не превышало 100–150 тыс. человек. Из этого числа лишь несколько сот были осуждены по политическим мотивам. С 1928 года население лагерей стало неуклонно расти, достигнув в 1934 году более полумиллиона человек. Свыше четверти от этого числа составляли политические заключенные.

Репрессивные кампании Сталина вытекали из его страха не только перед крестьянством, но и перед рабочим классом и прежде всего его революционным авангардом – левой оппозицией. Все нараставшая волна массового насилия была направлена не против врагов Октябрьской революции, а против врагов, которых создавал сам сталинский режим: крестьян, сопротивлявшихся насильственной коллективизации, и участников коммунистических оппозиций.

Своей авантюристической политикой в области экономики и массовыми репрессиями Сталин непрерывно добавлял к изначальным врагам Советской власти все новые и новые тысячи ее действительных и потенциальных противников, отождествлявших социализм со сталинским режимом.

Одновременно с ударами по крестьянству – наиболее массовой силе сопротивления сталинскому режиму – жестокие удары наносились и по коммунистам, «виновным» в нерешительности либо, напротив, в последовательности и усердии при проведении продиктованной Сталиным политики. Списание ответственности за провалы своего политического курса на его исполнителей было неизменной чертой сталинского правления.

Массовые репрессии не избавляли от дальнейших экономических провалов, а способствовали их приумножению. Авантюристические и произвольные решения выполнялись лишь частично и при этом неоправданно высокой ценой. Так, принудительная коллективизация не

---

¹ Дойчер И. Изгнание Троцкого. М., 1991. С. 177.

только до предела истощила производительные силы деревни, но и фактически затормозила развитие индустриализации.

Если власть устояла в 1930-х годах, то не благодаря сталинскому руководству, а вопреки ему. Победа Сталина и возглавляемой им бюрократии в гражданской войне с крестьянством объяснялась тем, что рабочий класс противился реставрации капиталистических отношений, к которой неминуемо привела бы победа «русской Вандеи», и поэтому поддерживал бюрократию в ее конвульсивной борьбе с крестьянскими массами. Кроме того, в эти годы город относительно слабо чувствовал репрессии, обрушивавшиеся преимущественно на сельское население. Наконец, немаловажное значение имело и то обстоятельство, что именно в этот период Сталин формировал социальную опору своего режима в лице привилегированных слоев, к которым, помимо правящей бюрократии, относились рабочая аристократия и верхушечная интеллигенция.

Анализируя причины и последствия победы Сталина над левой оппозицией, Троцкий писал: «Здесь, несомненно, сказалось маневренное комбинаторское искусство Сталина, правда, в очень благоприятной для него лично обстановке. Он использовал правую для исключения левой оппозиции, ибо только у правого крыла были серьезные принципиальные основы бояться левой политики. Но так как исключение левой оппозиции вызвало в широких кругах партии раздражение, недовольство правым крылом, то Сталин сумел использовать это недовольство для удара против правых. Он все время оставался если не примирителем, то умиротворяющим элементом, который будто бы стремился свести к минимуму неизбежные жертвы и который сумел при этом возлагать ответственность за суровые меры на то или другое крыло партии»².

---

² Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II, с. 246.

Сталин против оппозиции

Начало массовых ударов по левой оппозиции относится к XV съезду партии. Получив соответствующий «мандат», сталинский аппарат сразу же после съезда начал осуществлять против левой оппозиции санкции, далеко выходящие за пределы, предоставленные этим «мандатом». Если с XIV съезда по 15 ноября 1927 г. (т. е. почти за два года) из партии было исключено 970 оппозиционеров, то за последующие 2,5 месяца – 2288 (в том числе 1494 чел. за последние две недели 1927 года). Только в Москве за «фракционную работу» было исключено 816 человек. Среди исключенных рабочие по социальному положению составляли 46,9 %, по роду занятий – 36,4 %. Доля рабочих в составе исключенных в Ленинградской области доходила до 68 %, на Украине – до 66,3 %³.

Большая часть исключенных была направлена в административную ссылку в дальние районы страны. Поскольку ссылкой предъявлялось обвинение в антисоветской деятельности, они лишались избирательных прав и членства в профсоюзах. Они были обязаны регулярно являться для регистрации в местные органы ГПУ. Им назначалось месячное пособие в 30 руб., которое в 1929 году было вдвое уменьшено. Обеспечение ссылкой работой возлагалось на партийные органы в местах ссылки.

Судьбой наиболее видных оппозиционеров распоряжался отдел учета и распределения кадров ЦК ВКП(б). Переговоры с ними вели председатель ЦКК Орджоникидзе и секретарь ЦК Косиор, заявившие о невозможности оставить лидеров оппозиции в Москве и крупных промышленных центрах и сохранить у членов их семей занимаемые ими квартиры.

12 ноября 1927 года одновременно с Зиновьевым был исключен из партии Троцкий. Дальнейшие их судьбы, впрочем, отличались. Если Зиновьев предпочел публично покаяться в «ошибках», Троцкий наотрез в чем-либо каяться отказался. 14 ноября 1927 года Троцкий был выселен из служебной квартиры в Кремле и остановился у своего сторонника Белобородова А. Г. 18 января 1928 года Троцкий был силой доставлен на Ярославский вокзал Москвы и выслан в Алма-Ату, причем сотрудникам ГПУ пришлось нести Троцкого на руках, так как идти он отказался. Кроме того, по воспоминаниям старшего сына Троцкого Льва Седова, Троцкий с семьей забаррикадировались в одной из комнат, и ГПУ пришлось выламывать двери. По воспоминаниям самого Троцкого, его выносили на руках три человека, «им было тяжело, все время невероятно пытели и часто останавливались отдыхать». По воспоминаниям Льва Седова, сразу же после отправки поезда Троцкий является к конвою и заявляет, что «не имеет ничего против них, как простых исполнителей», а «демонстрация имела чисто политический характер...»

Репрессии подхлестнули отход от оппозиции ее наименее устойчивых членов. Из 3381 чел., подавших заявления об отходе от оппозиции, 37 % сделало этот шаг за период от XIV до XV съезда, а 63 % – за последующие два с половиной месяца. В феврале такие заявления подписали еще 614 человек. Это было связано с тем, что после съезда перед оппозиционерами была поставлена жесткая дилемма: либо «порвать с оппозицией» и сохранить привычный образ жизни, нередко в рядах правящей бюрократии, либо обречь себя на жестокие условия отдаленной ссылки.

Часть «отходивших» от оппозиции заявляла, что порывает с ней и организационно и идейно, т. е. отказывается от своих взглядов. Другая часть заявляла, что прекращает фракционную работу, но не может отказаться от защиты своих взглядов в рамках Устава партии (хотя малейшие попытки такой «защиты» были заблокированы решениями XV съезда).

---

³ II Пленум ЦКК созыва XV съезда ВКП(б) 2–5 апреля 1928 г. М., 1928. С. 252–255.

Первым из оппозиционных лидеров «порвал с оппозицией» Сокольников, который на XV съезде заявил, что уже несколько месяцев назад он «должен был разойтись с оппозиционным блоком» в силу коренных разногласий с ним⁴. За этот шаг Сокольников был оставлен в составе ЦК, избранного на XV съезде.

Вслед за Сокольниковым аналогичный шаг совершили другие лидеры зиновьевской части оппозиционного блока, которые еще до съезда предложили группе Троцкого безоговорочно подчиниться любым его решениям. Свою готовность к капитуляции они мотивировали тем, что в противном случае оппозиция встанет на путь «построения второй партии» и тем самым обречет себя на гибель. Троцкий и его группа расценили такую позицию как предательскую.

Во время работы съезда зиновьевцы собирались отдельно от троцкистов, подготавливая заявление о прекращении защиты своих взглядов. Всякое иное поведение, как они подчеркивали, «неизбежно столкнет нас даже не с партией, а с советской властью, ее органами», т. е. обречет на жестокие (по тем временам) репрессии. Внутри зиновьевской группы такая капитулянтская позиция встретила сопротивление ее «левой» части во главе с Сафаровым.

Обострение раскола между троцкистской и зиновьевской частью оппозиционного блока произошло после публикации «Правдой» перехваченных ГПУ писем Троцкого своим единомышленникам в СССР и за рубежом. Эти письма были опубликованы в сопровождении редакционной статьи под названием «Подрывная работа троцкистов против Коминтерна. Пособники Шейдемана за работой», где публикуемые документы характеризовались как свидетельство того, что «ни на один день после съезда бывшие оппозиционеры-троцкисты не прекращали своей грязной антипартийной и антикоминтерновской работы». Статья, по-видимому принадлежавшая перу главного редактора «Правды» Бухарина, была пересыпана выражениями типа «возглавляемый Троцким обоз политических нечистот».

В публикуемых письмах говорилось об измене Зиновьева и Каменева и необходимости беспощадного разрыва оппозиции с капитулянтами. Троцкий призывал своих зарубежных сторонников поднять широкую политическую кампанию против исключения из всех партий Коминтерна коммунистов, близких к левой оппозиции, и против ссылки советских оппозиционеров. Он выдвигал задачу «окончательно разоблачить шарлатанство борьбы с “троцкизмом”, характеризуя эту борьбу как “преступно нелепую”». Перед зарубежными коммунистами ставилась цель: «бить по руководству ВКП(б), не противопоставляя себе СССР»⁵.

Спустя несколько дней Зиновьев и Каменев поместили в «Правде» «Открытое письмо», в котором вновь подтвердили, что полностью подчинились всем решениям съезда, «капитулировали перед ВКП(б)» и в результате этого порвали с группой Троцкого и со своими единомышленниками в Германии (группа Рут Фишер – Маслова). В доказательство «органичности» этих своих поступков они заявляли, что еще в 1926–27 годах внутри объединенного оппозиционного блока шла внутренняя борьба и что даже в период своего участия в блоке они «не считали возможным разоружение против ошибок троцкизма»⁶.

В ответ на эти утверждения Троцкий опубликовал в оппозиционном «самиздате» свидетельства о том, что Зиновьев и Лашевич на фракционных совещаниях и в беседах с ленинградскими рабочими признавали, что «троцкизм» был выдуман ими в 1924 году в целях борьбы за власть. Троцкий подчеркивал, что «борьба с так называемым “троцкизмом” есть тот крючок, при помощи которого Сталин тянет Зиновьева, а Зиновьев – своих “левых” (Сафарова и пр.)».

В 1928 году лишь незначительная часть группы Троцкого последовала примеру зиновьевцев. Первым среди этой группы заявил о своей капитуляции Пятаков. Вслед за этим в «Правде»

---

⁴ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Т. II. С. 1132.

⁵ Правда. 1928. 15 января.

⁶ Правда. 1928. 27 января.

были опубликованы заявления Крестинского и Антонова-Овсеенко о разрыве с «троцкистской оппозицией». Заявление Крестинского было относительно сдержанным. Он писал, что никогда не имел с оппозицией «организационной связи», хотя и был связан с большинством ее руководителей «давнишними и тесными отношениями». Более постыдный характер носило заявление Антонова-Овсеенко, который выражал сожаление по поводу того, что «не сделал всех необходимых выводов уже из... первого своего расхождения» с Троцким в 1915 году, и заверял, что теперь осознал правду «лично» Сталина⁷.

9 мая Троцкий разослал своим единомышленникам письмо, в котором подчеркивал, что принципиальная позиция подлинных оппозиционеров не допускает «никакой дипломатии, лжи, развращающего политиканства в духе Зиновьева – Каменева – Пятакова, себялюбиво чиновничьего, насквозь безответственного, понтие-пилатского умывания рук в духе Крестинского или смердяковского пресмыкательства в духе Антонова-Овсеенко. Об этом, впрочем, незачем и говорить. Мы должны сказать правду, только правду, всю правду».

В 1928 году Сталин и полностью солидаризировавшиеся с ним в отношении к «троцкистам» бухаринцы не решались идти на заточение оппозиционеров в тюрьмы и концентрационные лагеря. Атмосфера в партии еще не была такой, чтобы можно было даже помыслить о более строгой мере репрессии к инакомыслящим коммунистам, чем временная ссылка. В ссылках колониях оппозиционеры устанавливали связи с сочувствующими из числа местных жителей, объединялись в кружки, в которых обсуждали политические события в СССР и за рубежом, вели активную переписку со своими единомышленниками в других колониях. Чтобы избежать перлюстрации агентами ГПУ наиболее важных документов, была налажена секретная почта, т. е. отправление конспиративных писем с нарочными.

Цементирующей силой всей этой деятельности был, разумеется, Троцкий. За апрель – октябрь 1928 года им было послано из Алма-Аты около 550 телеграмм и 800 политических писем, в том числе ряд крупных работ, получено около 1000 писем и около 700 телеграмм, в большинстве коллективных. Уже эти цифры дают представление о масштабе деятельности оппозиции и числе вовлеченных в нее лиц.

Из ссылки документы Троцкого и других оппозиционеров проникали на волю, где их единомышленники создавали подпольные группы, в которые принимались только коммунисты, в том числе подписавшие заявления о капитуляции, с тем чтобы избежать исключения из партии и ссылки и продолжать нелегально оппозиционную работу. По свидетельству Авторханова, большинство оппозиционеров, заявивших о разрыве с оппозицией, сделало это для того, чтобы на деле продолжать борьбу за свои идеи. «Троцкисты этого толка были во всех звеньях органов государственного управления, за исключением самого партийного аппарата и органов политической полиции»⁸. Оппозиционеры создали свой «Красный Крест», собиравший средства для помощи изгнанным с работы и высланным товарищам.

Оппозиционные группы развешивали пропаганду среди рабочих путем систематического распространения прокламаций и листовок, в том числе статей и обращений за подписями Троцкого, Муралова, Мрачковского и других ссыльных лидеров оппозиции. Перепечатанные на гектографе, такие документы имели хождение и в среде беспартийной интеллигенции, часть которой сочувствовала взглядам оппозиции⁹.

---

⁷ Правда. 1928. 8 апреля.

⁸ Авторханов А. Технология власти.

⁹ Так, О. Манделштам на допросе в ГПУ в 1934 году признавал, что в 1927 году у него возникли «не слишком глубокие, но достаточно горячие симпатии к троцкизму».

Высылка Троцкого из СССР

Для того чтобы полностью изолировать Троцкого от его единомышленников, ГПУ с октября 1928 года внезапно прервало всю его переписку с соратниками, друзьями, родственниками. Даже письмо из московской больницы от безнадежно болевшей дочери, исключенной из партии, Троцкий получил спустя 73 дня после его отправки, и ответ уже не застал ее в живых.

26 ноября Политбюро, обсудив вопрос «О контрреволюционной деятельности Троцкого», поручило ОГПУ передать Троцкому ультиматум о прекращении им всякой политической деятельности. С этой целью в Алма-Ату был направлен уполномоченный секретно-политического отдела ОГПУ Волынский, зачитавший Троцкому меморандум, в котором сообщалось, что у коллегии ОГПУ имеются данные о том, что его деятельность «принимает все более характер прямой контрреволюции» и организации «второй партии». Поэтому в случае отказа Троцкого от руководства «так называемой оппозицией» ОГПУ «будет поставлено в необходимость» изменить условия его содержания, с тем чтобы максимально изолировать его от политической жизни¹⁰.

Троцкий ответил на этот ультиматум письмом в ЦК ВКП(б) и Президиум Исполкома Коминтерна, в котором, в частности, говорилось: «Теоретический разум и политический опыт свидетельствуют, что период исторической отдачи, отката, т. е. реакции, может наступить не только после буржуазной, но и после пролетарской революции. Шесть лет мы живем в СССР в условиях нарастающей реакции против Октября и тем самым – расчистки путей для термидора. Наиболее явным и законченным выражением этой реакции внутри партии являются дикая травля и организационный разгром левого крыла...

Угроза изменить условия моего существования и изолировать меня от политической деятельности звучит так... как если бы фракция Сталина, непосредственным органом которой является ГПУ, не сделала всего, что может, для изоляции меня не только от политической, но и от всякой другой жизни... В таком же и еще худшем положении находятся тысячи безукоризненных большевиков-ленинцев, заслуги которых перед Октябрьской революцией и международным пролетариатом неизмеримо превосходят заслуги тех, которые их заточили или сослали... Насилия, избиения, пытки, физические и нравственные, применяются к лучшим рабочим-большевикам за их верность заветам Октября. Таковы те общие условия, которые, по словам коллегии ГПУ, “не препятствуют” ныне политической деятельности оппозиции и моей в частности.

Жалкая угроза изменить для меня эти условия в сторону дальнейшей изоляции означает не что иное, как решение фракции Сталина заменить ссылку тюрьмой. Это решение, как сказано выше, для меня не ново. Намеченное в перспективе еще в 1924 году, оно проводится в жизнь постепенно, через ряд ступеней, чтобы исподтишка приучить придавленную и обманутую партию к сталинским методам, в которых грубая нелояльность созрела ныне до отравленного бюрократического бесчестья»¹¹.

Реакцией на это письмо стало постановление Политбюро о высылке Троцкого за границу. Мотивируя это решение, Сталин заявил, что оно необходимо для того, чтобы развенчать Троцкого в глазах советских людей и зарубежного рабочего движения: если Троцкий будет за рубежом выступать с дальнейшими разоблачениями партийного руководства, «то мы будем его изображать как предателя»¹². Это решение было принято большинством голосов. Лишь Рыков и Ворошилов голосовали за еще более жесткую меру – заключение Троцкого в тюрьму.

---

¹⁰ См.: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 530.

¹¹ См.: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 532–534.

¹² Бюллетень оппозиции. 1929. № 1–2. С. 3.

7 января 1929 года постановление Политбюро было направлено председателю ОГПУ Менжинскому. 18 января решение о высылке было оформлено Особым Совещанием при коллегии ОГПУ. Спустя два дня Волынский предъявил Троцкому постановление ОСО, в котором говорилось: «Слушали: Дело гражданина Троцкого, Льва Давыдовича, по ст. 58/10 Уголовного Кодекса по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против советской власти. Постановили: Гражданина Троцкого, Льва Давыдовича, выслать из пределов СССР». Таким образом, высылка Троцкого явилась актом внесудебной расправы по вымышленным обвинениям, на которые обвиняемому не давалось права ответить. После того как Волынский предложил Троцкому расписаться в ознакомлении с этим документом, Троцкий написал: «Преступное по существу и незаконное по форме постановление ГПУ мне объявлено»¹³.

В служебном отчете о выполнении своего поручения Волынский сообщал, что Троцкий сказал ему: «Перед ГПУ была дилемма – либо посадить меня в тюрьму, либо выслать за границу. Первое, конечно, менее удобно, так как вызовет шум и неизбежные волнения и агитации среди рабочих за освобождение. Поэтому Сталин решил выслать меня за границу. Я мог бы, конечно, отказаться, потому что с точки зрения внутреннего положения было бы выгоднее для меня сесть в тюрьму. Если бы я рассуждал, как Сталин, который никогда не понимал, что значит революционная эмиграция, я бы отказался ехать. Для Сталина “эмигрант” – бранное слово, и попасть в эмиграцию для него означает политическую смерть... он своим ограниченным мозгом не в состоянии понять, что для ленинца одинаково, в какой части рабочего класса работать»¹⁴.

На основе директивы, полученной от Ягоды, Волынский сразу же после предъявления постановления ОСО объявил, что Троцкий и его семья находятся под домашним арестом, и предоставил им 48 часов для сборов в дорогу. После этого они были погружены под конвоем из специально отобранных сотрудников ГПУ в вагон, маршрут следования которого им не был объявлен.

Чтобы избежать при высылке Троцкого демонстраций протеста, подобных той, которая сопровождала годом раньше его ссылку в Алма-Ату, высылка происходила в обстановке строжайшей тайны. О ней, однако, была проинформирована зиновьевская группа, от которой Сталин ожидал одобрения данной акции. Когда зиновьевцы собрались для обсуждения этого известия, Бакаев предложил выступить с протестом против высылки. На это Зиновьев заявил, что «протестовать не перед кем», так как «нет хозяина». На следующий день Зиновьев посетил Крупскую, которая сообщила ему, что и она слышала о готовящейся высылке. «Что же вы собираетесь с ним делать?» – спросил ее Зиновьев, имея в виду, что Крупская находится в составе Президиума ЦКК. «Во-первых, не *вы*, а *они*, – ответила Крупская, – а во-вторых, даже если бы мы и решили протестовать, кто нас слушает?»¹⁵

Только через несколько дней пути Троцкому было сообщено, что местом его высылки назначен Константинополь. В эти дни Советское правительство обращалось ко многим правительствам с просьбой принять Троцкого, но только Турция после долгих переговоров дала положительный ответ. Не зная об этом, Троцкий отказался добровольно следовать в Турцию и потребовал отправить его в Германию. 12 суток поезд простоял на глухом полустанке в Курской области, пока сменивший Волынского новый уполномоченный ОГПУ Буланов не сообщил, что немецкое правительство категорически отказалось впустить Троцкого в свою страну

---

¹³ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 535.

¹⁴ Вечерний клуб. 1992. № 1.

¹⁵ Бюллетень оппозиции. 1929. № 1–2. С. 16–17.

и что получен окончательный приказ доставить его в Константинополь. В служебных донесениях Буланов, сообщая о своих беседах с Троцким в поезде, упоминал о его чрезвычайно резком тоне и выражениях «по адресу большого хозяина».

На протяжении пути конвой все время увеличивался и Троцкому запрещалось выходить из поезда, который останавливался только на мелких станциях, чтобы набрать воды и топлива. Тем временем сотрудник ОГПУ Фокин, направленный в Одессу для организации тайной погрузки Троцкого на пароход, сообщал начальству, что им сделано все, чтобы не допустить возможной демонстрации в городе. Была проведена тщательная проверка команды парохода «Ильич», списание с нее «ненадежных» и подготовка запасной команды, «могущей вести пароход даже при полном отказе остальной команды»¹⁶.

Прибывший в Одессу вагон был подан прямо к причалу. Несмотря на глубокую ночь, пристань была оцеплена войсками ГПУ. 12 февраля «Ильич» вступил в пограничные воды, где Троцкий вручил турецкому офицеру заявление для передачи Президенту Турецкой республики Кемалю-Паше: «Милостивый государь. У ворот Константинополя я имею честь известить Вас, что на турецкую границу я прибыл отнюдь не по своему выбору и что перейти эту границу я могу, лишь подчиняясь насилию»¹⁷.

Только спустя неделю после этого «Правда» поместила краткую заметку: «Л. Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого Совещания при ОГПУ. С ним, согласно его желанию, выехала его семья»¹⁸. В этом сообщении отсутствовало содержащееся в постановлении ОСО обвинение в подготовке Троцким вооруженной борьбы против Советской власти. В одной из первых статей, опубликованных в изгнании, Троцкий писал: «Почему Сталин не решился в “Правде” повторить то, что сказано в постановлении ГПУ? Потому что он знал, что ему никто не поверит... Но зачем же в таком случае было вносить эту явную ложь в постановление ГПУ? Не для СССР, а для Европы и для всего мира. Сталин не мог иначе объяснить высылку и бесчисленные аресты, как указанием на подготовку оппозицией вооруженной борьбы. Этой чудовищной ложью он причинял величайший вред Советской Республике. Вся буржуазная печать говорила о том, что Троцкий, Раковский, Смилга, Радек, И. Н. Смирнов, Белобородов, Муралов, Мрачковский и многие другие, которые строили Республику и защищали ее, теперь готовят вооруженную борьбу против Советской власти. Ясно, до какой степени такая мысль должна ослаблять Советскую Республику в глазах всего мира!»¹⁹

---

¹⁶ Вечерний клуб. 1992. № 1.

¹⁷ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. С. 538.

¹⁸ Правда. 1929. 19 февраля.

¹⁹ Бюллетень оппозиции. 1929. № 1–2. С. 3.

Призывы «убрать Сталина»

Сразу же после высылки Троцкого в зарубежной печати стала распространяться версия, согласно которой действительная цель этой акции не наказание за оппозиционность, а внедрение Троцкого в революционное движение Запада для инициирования его нового подъема. Д. Волкогонов считает, что эта версия была запущена Сталиным, чтобы усилить враждебность белой эмиграции и правящих кругов капиталистических стран к Троцкому²⁰. Во всяком случае, на протяжении нескольких лет после изгнания Троцкому и его зарубежным друзьям не удалось добиться ни от одного из европейских правительств разрешения впустить его в свою страну.

Находясь на турецком острове Принкипо, Троцкий немедленно возобновил свою литературно-политическую деятельность. Мысль о необходимости перестроить политическую систему и «беспощадно очистить ее от накопившегося мусора» на основе свободной критики снизу доверху содержалась в обращениях Троцкого к партийному и советскому руководству. Открытое обращение было направлено Президиуму ЦИК в связи с его постановлением от 20 февраля 1932 года, которое лишало Троцкого и членов его семьи советского гражданства за «контрреволюционную деятельность»²¹. В этом обращении, суммируя чудовищные ошибки сталинского руководства за последние годы, Троцкий писал: «Сталин завел вас в тупик. Нельзя выйти на дорогу иначе, как ликвидировав сталинщину... Надо наконец выполнить последний настойчивый совет Ленина – *убрать Сталина*»²².

Еще раньше (4 января) Троцкий направил в Политбюро и Президиум ЦКК ВКП(б) секретное письмо, в котором подчеркивал, что процесс подмены руководства партии и даже ЦК всевластием Сталина завершился. Советские газеты говорят исключительно о «руководстве Сталина», «предписаниях Сталина», «генеральной линии Сталина», совершенно игнорируя ЦК. Партия «доведена до такого унижения, когда невежество, органический оппортунизм и нелояльность одного лица налагает печать на великие исторические события»²³.

Откликаясь в этом письме на открытую в конце 1931 года новую идеологическую кампанию против «контрреволюционного троцкизма», Троцкий усматривал ее истинную подоплеку в том, что Сталин пришел к выводу об ошибочности его высылки за границу. Принимая решение о высылке, Сталин «надеялся, как это известно из его тогдашнего запротоколированного заявления в Политбюро, что без “секретариата”, без средств Троцкий станет только беспомощной жертвой организованной в международном масштабе бюрократической клеветы. Аппаратный человек просчитался. Вопреки его предвидениям оказалось, что идеи имеют собственную силу, без аппарата и без средств»²⁴.

Троцкий заявлял, что «планы и замыслы Сталина ни в коей мере и ни с какой стороны не могут повлиять на политику левой оппозиции и на мою в частности. Политическая судьба Сталина, развратителя партии, могильщика китайской революции, разрушителя Коминтерна, кандидата в могильщики немецкой революции, предрешена. Его политическое банкротство будет одним из самых страшных в истории. Вопрос идет не о Сталине, а о спасении Коминтерна, пролетарской диктатуры, наследия Октябрьской революции, о возрождении партии Ленина»²⁵.

²⁰ Волкогонов Д. А. Троцкий. Кн. 2. М., 1992. С. 123.

²¹ Постановлениями ВЦИК от 10 августа и 16 октября 1922 года ОГПУ было надлено правом высылки за границу лиц, причастных к антисоветской деятельности, сроком не более чем на три года, с сохранением у них советского гражданства. Правом лишения гражданства после истечения этого срока формально обладал только высший орган государства.

²² Бюллетень оппозиции. 1932. № 27. С. 6.

²³ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Эрмитаж (США). 1986. С. 41.

²⁴ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Эрмитаж (США). 1986. С. 42.

²⁵ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. Эрмитаж (США). 1986. С. 42–43.

Несмотря на кажущийся триумф Сталина, его сила еще не была столь безграничной, чтобы оборвать все связи Троцкого с его единомышленниками в СССР и уничтожить подпольную жизнь левой оппозиции. «Несмотря на непрерывные организационные разгромы, левая оппозиция живет», – писал один из авторов «Бюллетеня». Хотя «вряд ли где-нибудь и когда-нибудь в мире подлинно марксистскому течению было так трудно в техническом смысле вести работу, как нам теперь в Советском Союзе», тем не менее «авторитет тех оппозиционеров, которые не склонились и не сломались, страшно высок у партийной массы, в том числе и у аппаратчиков. “Вот это люди!” – говорят даже противники. Иные выражаются еще точнее: “Настоящие большевики!”»²⁶

В начале 30-х годов, по данным «Бюллетеня», в тюрьмах, ссылках, под надзором находилось свыше 7 тысяч приверженцев левой оппозиции. Значительная их часть содержалась в т. н. политизоляторах вместе с членами бывших социалистических партий: эсерами, меньшевиками, анархистами и т. д. В то время режим в политизоляторах был еще относительно мягким. Там, как рассказывает старая большевичка З. Н. Немцова, были «удобные камеры. В них люди могли работать. Или не работать – по выбору. И географически политизоляторы находились в хороших местах. Можно было гулять. Но люди считались арестованными, то есть заключенными. Хотя и пользовались библиотекой. Им предлагалось: изучайте. Проверьте свои знания. На подлинниках. Вернитесь к Марксу, к Ленину. Поработайте над собой. И окончательно решайте вопрос о своих убеждениях»²⁷.

Тщательно дозируя свой план истребления левой оппозиции, Сталин в начале 30-х годов видел свою задачу в том, чтобы принудить к «добровольной» капитуляции последних оппозиционных лидеров, сохранявших верность своим убеждениям.

В этих целях репрессированным оппозиционерам, отказывавшимся подать заявления о капитуляции, прибавлялись сроки заключения или ссылки, их направляли в еще более гиблые районы. Наряду с этим некоторым из них давались определенные послабления, например разрешалось появляться в Москве. «Недавно в Москву приезжал по семейным делам с особого разрешения властей Н. И. Муралов, – сообщал корреспондент “Бюллетеня”. – Возможно, что самый проезд был разрешен ему, с тем чтоб испытать его крепость. На Николая Ивановича были напущены кое-кто из более приличных капитулянтов. Те запросили у него свидания. Он ответил: “Если собираетесь уговаривать, то встречаться не к чему”. Эта фраза немедленно же обошла всю Москву и ничего, кроме одобрения, не вызвала: “Молодец, Муралыч!”»²⁸

Стойкость несдавшихся оппозиционеров и влияние левой оппозиции в широких партийных кругах поддерживались распространением в Советском Союзе «Бюллетеня оппозиции», который издавался до марта 1931 года в Париже, а затем, вплоть до прихода Гитлера к власти, – в Берлине. Многие члены партии, в том числе работники посольств, возвращаясь из зарубежных командировок, нелегально привозили номера «Бюллетеня» на родину и знакомили с ними своих друзей. Многие оппозиционеры, как находившиеся на свободе, так и содержащиеся в ссылках и тюрьмах, поддерживали регулярный контакт с Троцким, пересылали ему письма и даже рукописные газеты, издававшиеся в некоторых политизоляторах. С годами обнаружение при обыске «Бюллетеня» стало грозить все более суровыми репрессиями, в результате чего сфера его распространения сузилась. Тем не менее многие коммунисты продолжали жадно ловить вести из «Бюллетеня». «Те, кто не решаются привезти свежий экземпляр Бюллетеня в кармане, – писал в 1932 году анонимный корреспондент, – читают его от доски до доски за границей, и ничто, конечно, не может помешать им привозить Бюллетень в головах. От них идеи Бюллетеня расходятся более широкими кругами. Кроме того, официальная печать

---

²⁶ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. С. 5.

²⁷ Огонек. 1988. № 27. С. 5.

²⁸ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. С. 5–6.

по всем большим вопросам считает нужным дать лозунг против “контрреволюционного троцкизма”... [в ней] можно всегда натолкнуться на цитату из Бюллетеня или на пересказ той или другой статьи. Оппозиционеры под этим углом зрения раскрывают свежий номер газеты или разрезают свежую книжку журнала: нет ли там чего про нас? Цитаты, правда, почти всегда искажены, мысли перевераны, но за эти годы мы многому научились, в том числе и чтению между строк. В 9 случаях из 10 мы безошибочно догадываемся о том, как вы в действительности ставите вопрос в Бюллетене»²⁹.

---

²⁹ Бюллетень оппозиции. 1932. № 28. С. 5.

Троцкистское подполье

В январе 1933 года Сталину был направлен доклад секретно-политического отдела ОГПУ о результатах слежки за «троцкистами», заявившими о своем разрыве с оппозицией. В нем сообщалось, что в 1930–31 годах многие из оппозиционеров, присоединившихся к заявлению И. Н. Смирнова о прекращении фракционной деятельности, не согласились с тактикой выжидания и после возвращения из ссылок и изоляторов возобновили нелегальную деятельность среди рабочих. Хотя несколько групп, включавших сторонников Смирнова, были вскоре ликвидированы, сохранилась глубоко законспирированная организация во главе с самим Смирновым, включавшая свыше 200 бывших активных троцкистов. Эта организация имела свои филиалы в Ленинграде, Харькове, Горьком, Киеве, Ростове-на-Дону и других городах, а также группы в Госплане, Наркомтяжпроме и других учреждениях.

Аресты членов этой организации начались в 1932 году. Всего было арестовано 89 человек, включая таких известных оппозиционеров, как И. Н. Смирнов, Тер-Ваганян и Преображенский. Почти все арестованные были исключены из партии в 1926–32 годах за «троцкистскую фракционную деятельность», 35 из них в 1929–32 годах были восстановлены в партии. Среди арестованных были хозяйственные руководители, инженерно-технические работники, экономисты, рабочие, преподаватели вузов, журналисты и т. д.

В качестве вещественных доказательств к делу быта приобщены обнаруженные при обысках машинописные копии «Завещания», троцкистские листовки и переписка некоторых арестованных с Троцким и ссыльными троцкистами.

Почти все арестованные держались на следствии мужественно, отказываясь признать свои взгляды контрреволюционными и отрицая существование конспиративной организации. Некоторые подследственные вообще отказались давать какие-либо показания. 25 человек решительно отвергли все предъявленные им обвинения.

Тактика других подследственных заключалась в том, чтобы доказать абсурдность привлечения их к уголовной ответственности за стремление к восстановлению ленинских норм партийной жизни. Так, на первом допросе Преображенский заявил: «Я слишком поздно понял <...> что партия не может позволить своим членам такой роскоши, как особые мнения, особые точки зрения в оценке положения... Моя ошибка лежала, очевидно, в том, что я все время механически переносился к тому, “как было при Ленине”»³⁰.

Будучи вторично арестован в 1936 году, Преображенский на допросе в НКВД так характеризовал свои политические настроения 1932 года:

«1. Темпы коллективизации взяты не по силам. Деревня отошла от середняцкого хозяйства и не освоила коллективное, а в результате резкое падение производительных сил сельского хозяйства; огромные продовольственные затруднения, особенно на Украине, и ряд совершенно ненужных жестокостей в борьбе с кулачеством.

2. Темпы индустриализации взяты непосильные. В результате невыполнение плана капиталовложений, срыв сроков ряда строек, сокращение личного потребления рабочих, перенапряжение в труде и как результат – общее ухудшение материального положения пролетариата.

3. Неверная политика в Коминтерне, приводящая к изоляции компартии в борьбе с фашизмом, особенно в Германии.

4. Невыносимый партийный режим, при котором невозможно обсуждение ни одного большого вопроса, волнующего страну. Партийной дисциплине противопоставлялась троцкистская внутривнутрипартийная демократия.

---

³⁰ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 85.

5. На идеологическом фронте – полнейший застой. Это результат политики ЦК, которая доводит дисциплину мысли до централизации мысли и, культивируя бездарности, задерживает всякое умственное развитие молодежи.

Из всего этого, естественно, делался вывод о необходимости борьбы с политикой ЦК и руководством партии»³¹.

Таким образом, Преображенский в 1932 году полностью отказался от своих иллюзий конца 20-х годов относительно «левого» характера сталинской политики и, по сути, перешел на позиции, которых в это время занимали Троцкий и другие авторы «Бюллетеня оппозиции». Следует подчеркнуть также, что даже в чудовищных условиях следствия 1937 года Преображенский излагал свое политическое кредо с достоинством, не прибегая к чернящим квалификациям своих взглядов, которых требовали следователи.

---

³¹ Отечественная история. 1992. № 2. С. 91.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.